

посмертные восторги,
надгробные дружки.
Столбы словесной пыли
и фиммиальный дым ...
А где ж вы раньше
были,
когда он был
живым?²

Не по дифирамбам тужил живой Шукшин, а по простому человеческому пониманию, участью, „встречному движению души“. Можно себе представить, как скривился бы он, когда узнал бы, что вскоре после смерти станет писателем модным. К самому слову „мода“ Шукшин относился с крайним недоверием и пренебрежением, понимая под модой „нечто выдуманное, цепкое, крикливое и пустое“ и связывая это понятие с человеческой „несамостоятельностью“.³

Как когда-то складались легенды о Есенине — российском барде с голубыми глазами, так теперь всплывают и возводятся в миф домыслы о якобы автобиографичности образа Егора Прокудина и просто сплетни о том, что будто бы Шукшин вообще не был в ладах с законом (очевидно, перво-толчком для подобных заявлений послужил инцидент Шукшина-студента ВГИКа с милиционером, зафиксированный в его „Личном деле“).⁴ В общем-то, наверно, все эти легенды и мифы — явление объяснимое и не так уж страшное. Если разобраться, то авторами их являются обыватели, те, которые, говоря словами поэта, „узнав о смерти, прочли его впервые“, а скорее не прочли и вовсе. О ком из великих не складали подобных неблиц? О Достоевском? О Маяковском? Более чем достаточно. Время — лучший катализатор памяти, все издержки просеет и пустит по ветру. Останется то, что будет интересовать не пошлого обывателя, высасывающего из пальца и смакующего некоторые „пунктики“ биографии большого художника, а то, что стало его жизненным делом, плодом его творческого гения, то, что будет принадлежать всему человечеству.

Самое дорогое признание для художника — признание его народа. А народ ответил на доверительное слово Шукшина таким же доверительным интересом к его книгам и фильмам. Произведения Шукшина продолжают питать театр и кинематограф. Пьесы его с успехом идут почти на всех языках в театрах СССР и на многих зарубежных сценах. В Большом театре поставлен балет „Калина красная“ на музыку известного советского композитора Е. Светланова. На киностудии „Беларусьфильм“ выпущен сборник киноновелл „В профиль и анфас“ по рассказам В. Шукшина. Литературоведы и киноведы посвящают изучению наследия художника свои исследовательские работы. Мода? Может быть и мода. И популяр-

² Р. Рождественский, Избранные произведения в 2-х томах. М., Худ. лит-ра, 1979, т. 2, стр. 259—260.

³ В. Шукшин, Вопросы самому себе. М., Молодая Гвардия, 1981, стр. 74—75.

⁴ См.: В. Коробов, Василий Шукшин. Творчество. Личность. М., Сов. Россия, 1977, стр. 56.

ность (в самом хорошем смысле этого слова). И признание и признательность художнику. Мода преходяща, талант и признание — прочны.

Яркая творческая индивидуальность, не менее яркая жизненная биография, каторжная эксплуатация самого себя, внезапная смерть — все „работало“ на создание легенды о Шукшине. Одним из главных элементов феномена Шукшина была его необыкновенная разносторонность. В наш век, век узкой специализации, такая творческая многогранность не может не удивлять и не восхищать. Писатель, сценарист, режиссер, постановщик, актер широкого диапазона ... Причем его писательскому таланту не уступал ни актерский, ни режиссерский. Кроме того, в последние годы он стал писать и для театра, в котором его все больше привлекала „живая сила“ и „феноменальная стойкость“. Не всем, вероятно, известно, что писал Шукшин и стихи, и песни и сам же их исполнял с неповторимой оригинальностью.⁵ И во всем, за что бы ни взялся, был неистов, выкладывался до доннышка, словно чувствуя, что времени ему отсчитано немного, „до третьих петухов“.

Жизнь и творчество В. Шукшина не обделены вниманием нашей литературной критики. Это особенно осознаешь, когда листаешь биографический указатель, включающий публикации писателя, статьи и воспоминания о нем с 1958 по 1980 год.⁶ Такое издание — ценное подспорье для исследователя, указатель мог бы стать настоящим подарком для читателей Шукшина, но тираж не тот (4 500). Немало писали о Шукшине еще при жизни. Появился ряд критических статей, в которых критики ломали копыта, пытаясь „зачислить“ писателя в какой-нибудь разряд. Авторы одних не очень пристально рассматривали Шукшина как писателя „деревенского“ (причем одни ругали его за идеализацию деревни, другие хвалили за то, что он нашел в селе „полноценного“ человека), иные приравнивали в Шукшине бытописателя, третьи — певца „светлых душ“ и душевного здоровья.⁷ Кригика 70-х годов начинает признавать, что Шукшин не укладывается ни в одну из этих рамок, однако иногда впадает в другую крайность — отказывает писателю в серьезности.⁸ Бурную критическую реакцию — десятки статей и рецензий — вызвал выход в свет киноповести и кинофильма „Калина красная“. В журнале „Вопросы литературы в связи с этим проходит широкая дискуссия“.⁹

После внезапной смерти Шукшина интерес к нему значительно возрос. Л. Аннинский отметил этот факт: „За полтора года, прошедшие после смерти Шукшина, о нем писали больше, чем за все полтора десятилетия его работы — если не по количеству откликов, то по общему объему, а если и не по объему, то уж во всяком случае, по „коэффициенту резонанса“.¹⁰

⁵ См.: О Шукшине. Экран и жизнь. Сборник. М., Искусство, 1979, стр. 228—229.

⁶ В. М. Шукшин (1929—1974). Библиографический указатель. Изд. 2-е, дополн., Барнаул, Алтайское кн. изд-во, 1981 (составитель А. В. Редько).

⁷ См., напр.: В. Григорьев, Исцеление добротой. Комсомольская правда, 26 сент. 1963; Л. Крячко, Бой за доброту. Октябрь, 1965, № 3; А. Марченко, Из книжного рая. Вопросы литературы, 1969, № 4.

⁸ См.: И. Соловьева, В. Шитова, Свои люди — сочтемся. Новый мир, 1974, № 3.

⁹ Вопросы литературы, 1974, № 7.

¹⁰ Л. Аннинский, Путь Василия Шукшина. В кн.: Тридцатые—семидесятые. М., Современник, 1977, стр. 228.

Появляются попытки каким-то образом подвести итоги жизненного и творческого пути художника. Такой первой и пока самой солидной попыткой представить документально биографию В. М. Шукшина в плане „диалектики души“, становления писателя и режиссера была книга критика В. Коробова „Василий Шукшин. Творчество. Личность“ (М., Сов. Россия, 1977). Внутренняя цельность шукшинской прозы — объект пристального внимания барнаульского критика В. Горна.¹¹ Горн делает неожиданный, методологически спорный, но не голословный вывод: произведения Шукшина необходимо рассматривать как „качественно новое эстетически целостное повествование“. Однако в книге Горна недостает строго научного дифференцированного подхода к отдельным произведениям писателя, игнорируется жанровая специфика. В 1979 году в издательстве „Искусство“ выходит интересная книга размышлений и воспоминаний о жизненном и творческом пути художника его друзей, коллег по искусству.¹² Из посмертных критических статей, посвященных творчеству Шукшина, нужно отметить полемическую статью Л. Аннинского „Путь Василия Шукшина“, с этических позиций пытающегося уяснить для себя эстетику и эволюцию творчества художника.¹³ Подвести некоторые „итоги“ в общих чертах „литературного портрета“ пытается И. Дедков в статье „Последние штрихи“.¹⁴ Однако постичь за общими „штрихами“ глубину „житейских“ рассказов Шукшина критику не удалось. Л. Емельянов за основу анализа берет нравственную „единицу измерения“, то есть рассматривает нравственные аспекты произведений Шукшина, считая их определяющими.¹⁵ Невозможно назвать здесь все критические статьи, посвященные Шукшину; на некоторые из них будут ссылки в нашей работе.

Нужно с отрадой отметить, что интерес к наследию Шукшина — писателя и кинематографиста — не утихает, хотя многое здесь можно и нужно еще „открывать“, и прежде всего научному литературоведению. Критики и исследователи пока только пашулыкают пути исследования, не случайно уже в названиях работ о Шукшине подчеркивается, что авторы не претендуют на исчерпывающее освещение проблем: „заметки“, „штрихи“, „несколько слов“ и т. д. Обычно проза Шукшина анализируется изолированно от его кинотворчества. Это можно объяснить: киноведение и литературоведение при всей их близости — разные научные дисциплины. Однако по отношению к Шукшину просто необходимо рассматривать творчество в единстве всех его сторон, ибо в творческой судьбе этого художника литература и кинематограф не только связаны, но и взаимозависимы, одно продолжает другое. В разговоре о Шукшине порой эмоции преобладают над спокойным методическим аналитическим исследованием. Многие предстоит еще сделать издателям произведений писателя. Если

¹¹ В. Горн, *Характеры Василия Шукшина*. Барнаул, Алтайское кн. изд-во, 1981.

¹² О Шукшине. *Экран и жизнь*. Сборник. М., Искусство, 1979.

¹³ Л. Аннинский, *Путь Василия Шукшина*. В кн.: Тридцатые—семидесятые. М., Современник, 1977.

¹⁴ И. Дедков, *Последние штрихи*. В кн.: *Возвращение к себе*. М., Современник, 1978.

¹⁵ Л. Емельянов, *Единица измерения*. *Заметки о прозе В. Шукшина*. Наш современник, 1973, № 10.

непрофессионального читателя могут удовлетворить сборники избранных произведений Шукшина, то литературоведы, занимающиеся исследованием его творчества, испытывают поистине „голод“ по полноценному собранию сочинений писателя. До сих пор самыми солидными изданиями являются двухтомник и трехтомник произведений Шукшина, выпущенные в издательстве „Молодая Гвардия“ в 1975 и в 1984 гг., — издания, далекие от подлинно научных, академических. О задачах, стоящих перед издателями произведений В. Шукшина, писал еще в 1977 году В. Горн в статье, которая называлась очень актуально: „Изданиям Шукшина — подлинно научный уровень“.¹⁶ С тех пор прошло немало времени, но заметных сдвигов в этом направлении пока не видно. Нет еще глубокой монографии, посвященной творчеству этого своеобразного художника, недостаточно уяснен смысл его нравственно-философских исканий, почти не изучена „архитектура“ мира Шукшина, структура и поэтика его произведений, до сих пор ничего обстоятельного не сказано о комическом таланте писателя, о его сатирических произведениях (особенно о повести-сказке „До третьих петухов“), недостаточно четко определено место рассказов Шукшина в движении и традициях жанра — одним словом, перед шукшиноведением стоят важные проблемы и задачи. Некоторым таким, на наш взгляд, недостаточно исследованным проблемам творчества художника, и посвящена настоящая работа.

¹⁶ В. Горн, Переиздания Шукшина — подлинно научный уровень. Вопросы литературы, 1977, № 1.